

Чжоу Янь отнёсся к происходящему с некоторой ленцой, но Сюй Сяочжэнь всё равно сиял. Вытащил из-за пазухи черешню и торжественно вручил:

— Та-даааа!

Каждая ягода — с голубинное яйцо. Видно было — Сюй не пожалел денег.

Чжоу Янь провёл пальцем по ценнику — и правда, сумма нешуточная для такого, как Сюй:

— Это мне награда, что ли?

На себя Сяочжэнь тратил гроши — футболки носил до дыр, бельё теряло цвет, а про новые вещи даже не думал. Но на Чжоу Яня — не жалел ни копейки, руку не дрогнуло.

Сюй Сяочжэнь кивнул:

— Ну, сколько уже выучил?

Чжоу Янь лениво швырнул ему тетрадь:

— Спрашивай что хочешь.

Сюй наугад проверил пару мест — и правда, дословно.

Похвалил, как обычно, потом удивился:

— Если тебе так легко даётся, почему раньше вообще не хотел учиться? С таким темпом Имперский университет у тебя в кармане.

— А ты не думаешь, что сама эта дисциплина — полная чушь? Какой нормальный человек будет это зубрить?

Сюй снял рубашку, под ней была старая, растянутая майка. Чжоу Янь потянул за край, вытер черешню и закинул её в рот.

Сюй уже не обращал внимания на такие жесты. Листал учебник:

— Это всегда так было. Закон так прописан.

Чжоу Янь усмехнулся холодно, без слов. Когда его омега-статус раскроется и он войдёт в высшее общество, он ещё не раз вспомнит, насколько всё, что им сейчас вдалбливают, — нелепо и глупо.

В Восемнадцатом секторе учёба отставала от Первого почти на эпоху. Всё, что они сейчас проходят, он освоил ещё в младших классах — кроме одного предмета: «Социальное поведение и мораль».

Там, где в элитных школах учили, как грамотно завоёвывать, удерживать и защищать личные интересы, здесь преподавали, здесь же — откровенная индоктринация: про смирение, про долг, про жертвенность.

В первый же день учёбы у него была контрольная. Первая задача в блоке “Общество и мораль” звучала так:

“Проанализируйте с точки зрения закона и изученного материала: является ли оправданной безвозмездная реквизиция жилья государством?”

Чжоу Янь едва взглянул — и понял: халявный балл. Не задумываясь, написал:

“Государство не имеет права отчуждать частную собственность. Ответственные лица подлежат отставке, судебному разбирательству и лишению свободы сроком от трёх лет.”

Чжоу Яню было даже трудно представить, кто вообще рискнёт покуситься на его собственность. Пойти по закону — это ещё самый мягкий вариант. По-хорошему, такого гада надо было бы сразу пристрелить на месте.

Оценки по контрольной ещё не вывесили, а его уже вызвали на разговор. Собралась целая делегация из школьной администрации. Лица каменные, брови в комок:

— У вас проблемы с мышлением. Идеологическое отклонение. Если не скорректировать — может начаться бунт.

Правильный ответ был вот какой:

Да, безвозмездное изъятие имеет обоснование. У граждан тринадцатого класса и ниже недвижимость либо почти ничего не стоит, либо вовсе лишена ценности — значит, не несёт общественной значимости. Подобные меры рациональны, а сотрудничество с государством способствует прогрессу общества.

Сюй Сяочжэнь принёс учебник, терпеливо, по пунктам объяснял:

— Гражданские права распределяются сверху вниз, в зависимости от статуса. Это и в законе прописано.

Чжоу Янь только усмехнулся. Альфе, сидящему на верхушке социальной пирамиды, не понять, что значит быть бета в самом низу. Он — тот, кто давит. Давит так, что сам этого даже не замечает. Поэтому и смеётся. Поэтому и не считает нужным отвечать на такие вопросы.

Сюй Сяочжэнь вытащил ещё пару экзаменационных комплектов, сел рядом, начал сверять с ним ответы.

Чжоу Яню всё это сначала казалось скучным до зубной боли. Но потом... Сюй Сяочжэнь как-то незаметно соскользнул к нему — будто в теле ни костей, ни мышц. Просто обмяк и прижался. Вот тогда и стало интересно.

Он сам думал, что делает это незаметно, но альфа чувствовал каждое его движение. И позволял. Смотрел, до какой степени тот осмелится дойти.

У Сюй Сяочжэня всё же был предел. На колени не полез, но прижался крепко — и был счастлив. Только долго ждать не стоило: Чжоу Янь взял его за талию и, будто он ничего не весил, усадил себе на колени. Обнял сзади, уткнулся подбородком в макушку.

Лицо Сюй Сяочжэня тут же вспыхнуло. От Чжоу Яня исходило тепло, он пах именно так, как нравилось ему — легко, невесомо, как будто это и был его воздух. Он не смел даже пошевелиться. Сидел, каменея, а Чжоу Янь как ни в чём не бывало ткнул пальцем в учебник:

— Хочешь, объясню, что тут?

Сюй Сяочжэнь яростно закивал. Так резко, что за ним и Чжоу Янь дёрнулся.

Он боялся обернуться. Боялся увидеть его лицо — слишком близко, слишком ясно.

Уровень S среди альф — это врождённое превосходство. Им всё даётся с лёгкостью. Учёба — вообще ерунда. Всё, что нужно — будто встроено с рождения: понимание, память, логика. Но объяснять Чжоу Янь не умел совсем. Плавного перехода от простого к сложному не было — он сразу перескакивал с А на Ф, оставляя всё остальное в догадках.

Сюй Сяочжэнь изо всех сил старался слушать, пытался вникнуть. Постепенно, несмотря ни на что, увлёкся. Но всё равно в какой-то момент потерял нить — куда исчезли шаги от А до Ф? Что вообще произошло между ними?

Он сбитым с толку взглядом посмотрел на Чжоу Яня, немного стесняясь, попросил:

— Можешь... объяснить поподробнее?

И даже не заметил, как чья-то ладонь — большая, тёплая — уже скользнула под его свободную майку. Теперь она лежала у него на груди, едва заметно поглаживая.

У него была прохладная кожа — летом касаться её было особенно приятно. Чжоу Янь сам не заметил, как начал к этому привыкать. Втянулся. Глазами скользил по растрёпанным волосам Сюй Сяочжэня, по его затуманенному взгляду — и ладонь невольно сжалась. Потом, не сдержавшись, погладил его по спине, резко, почти грубо, как будто стирал с себя остатки здравого смысла.

— Никогда таких тупых не встречал, — пробормотал он и, не дожидаясь ответа, легко прикусил железу у него на шее.

Сюй Сяочжэня прошило. Невыразимое ощущение — словно ток пробежал по телу. Колени подогнулись, ручка выпала из пальцев, с глухим стуком ударившись о столешницу. Касание Чжоу Яня было обжигающим, словно под кожей вспыхнуло пламя.

Лёгкий виноградный аромат, еле уловимый прежде, теперь наполнил всё пространство — густой, пряный, чуть пьянящий. Комната стала тесной от него.

И это было странно. С тех пор как он впервые переспал с Чжоу Янем во время течки, он будто стал другим. Чем дольше они были врозь — тем сильнее хотелось обратно. К нему. К его телу, запаху, голосу. Всё внутри тянулось, требовало прикосновений, будто без него он переставал быть собой.

Кожа тоже изменилась — стала чувствительной до абсурда. Иногда хватало одного случайного касания, чтобы по спине побежали мурашки, чтобы сердце сбилось с ритма.

Сюй Сяочжэнь отчаянно не хотел это признавать. Эта зависимость, эта привязанность — звучали унижительно.

Но он не знал, что информация, скрытая в феромонах, может предать хозяина. Что они расскажут о нём всё — сладость, тоску, боль, надежду. Особенно тому, кто оставил на нём свой след.

Метка — это не просто след. Это сделка душ, неравная и жестокая. Альфа и омега помечают друг друга, но отпечаток, оставленный в омеге, всегда глубже.

В любви омега чувствует счастье в тысячу раз сильнее. И в разрыве — в тысячу раз острее. До тех пор, пока не сгорит дотла.

Феромоны Сюй Сяочжэня сейчас были как сироп — такие сладкие, что першило в горле. Слишком пряные. И в этой сладости пряталось нечто... зовущие. Почти непристойное.

И всё пошло по кругу. По уже знакомому, опасному кругу.

Они снова слились в поцелуе — жадном, безостановочном, как будто мир сузился до одного-единственного дыхания на двоих. Подавленный феромон Чжоу Яня прорвался наружу, переплелся с запахом Сюй Сяочжэня, и воздух между ними дрожал от напряжения.

Восемнадцатый район накрыло жарой. Даже ночной ветер не приносил облегчения — только сухой, тяжёлый зной. В их железной комнатухе было душно. Они целовались, прижимаясь друг к другу, и кожа быстро покрылась тонкой липкой плёнкой пота. Сюй Сяочжэнь вцепился в него слишком крепко, не давая отстраниться. Тела сливались, влажность впитывалась в ткань, в волосы. Температура Чжоу Яня была выше — и прядки у лба прилипали к коже тёмными струйками.

Губы Сюй Сяочжэня были искусаны до ярко-красного, взгляд расфокусирован, затуманен. Он никак не сопротивлялся — позволял Чжоу Янью трогать всё: открытую кожу, спрятанную под одеждой, гладить, сжимать, ласкать — где угодно.

Чжоу Янь тоже тяжело дышал. Несколько секунд он колебался, потом всё же выдавил сквозь зубы:

— Больше не надевай это дома.

Сюй Сяочжэнь машинально опустил взгляд на себя: выгоревшая белая майка, синяя хлопковая пижамка до колен — ну и что? Удобно же. И прохладно. Да ещё и из чистого хлопка.

Но Чжоу Янь не был в восторге. Сюй Сяочжэнь перевёл дыхание, тихо предложил:

— У меня есть ещё такая же, только серая...

Чжоу Янь поморщился. Серый. Ещё хуже. Лицо у него стало таким, будто он проглотил муху — и тут же замолчал, просто закрыл ему рот поцелуем.

Сюй Сяочжэнь всегда считал себя человеком уступчивым. Да и что скрывать — с этим капризным, избалованным “женой”, он был на удивление терпелив. Хотя в постели тот доминировал, Сюй Сяочжэнь с самого начала ухаживал за ним, как за хрупким супругом. И сейчас привычно поддался поцелую, сразу же откликнулся.

Пока Чжоу Янь не полез рукой к поясу его стареньких трусов и не добрался до внутренней стороны бедра. Тогда Сюй Сяочжэнь подскочил, как ошпаренный:

— Завтра учёба, завтра учёба, завтра учёба!

Сказал три раза подряд, даже не переводя дыхания — насколько это для него важно. Учёба стояла выше всего.

Прошлый раз он пропустил неделю — и хоть тогда их отношения с Чжоу Янем сделали скачок, сам Сюй Сяочжэнь до сих пор корил себя. Больше такого допустить нельзя. Учёба — прежде всего.

У Чжоу Яня лицо менялось с каждой секундой. Он не ожидал отказа. После метки Сюй Сяочжэнь стал таким послушным, соглашался на всё без капли сопротивления. А теперь... Теперь он даже не на втором месте? Ниже какого-то паршивого расписания?

Он дотронулся до его шеи. Формально, метка была вечной — не стирается. Но альфа чувствовал: что-то не так. Может, из-за подавления железы? Эффект ослаб?

Он уже прижался зубами к его железе, собирался углубить метку — зафиксировать связь сильнее, жёстче. Но Сюй Сяочжэнь поднял голову, коснулся губами его щеки, потом подбородка:

— В пятницу. Хорошо?

У Сюй Сяочжэня глаза были чуть округлые, большие, тёплого медового цвета — как и волосы. Блестели, сияли, с тонким влажным отблеском. А у уголков — мягкая, едва заметная линия вверх. Когда он смотрел так, прямо в глаза, — напоминал щенка.

Чжоу Янь чуть сместил губы — и поцеловал его в веко:

— Тогда просто дай себя обнять. Немного.

Сюй Сяочжэнь кивнул, но обниматься было неудобно — поза давила, что-то упиралось в бедро и неприятно ныло.

Альфы — порода особая: бессовестная, наглая, вечно лезущая за границы дозволенного. Стоит раз сделать что-то — и во второй раз уже ни капли смущения. Будто всё так и должно быть. Легко, уверенно, бесстыдно.

Чжоу Янь, не спрашивая, потёрся об него. Почувствовал, что приятно — и продолжил, уже намеренно. Сюй Сяочжэнь не сопротивлялся. Тогда он обхватил его за колено и коротко, почти хрипло приказал:

— Обними себя за ноги. Крепче.

И поцеловал его в шею — туда, где кожа тонкая, уязвимая, где всё чувствуется особенно остро.

Сюй Сяочжэнь не понял, чего тот хочет, но послушно поджал ноги, обнял их руками. И тут Чжоу Янь сделал движение, от которого у него всё внутри сжалось — было в этом что-то слишком откровенное, слишком опасное. Всё напоминало о том, чего они только что договорились не делать.

— Чжоу... — позвал он, голос дрожал, как будто вот-вот сорвётся на слёзы. — Завтра учёба, помнишь? Завтра же учёба...

К счастью, Чжоу Янь сдержал слово. Но это не спасло Сюй Сяочжэня от последствий.

Ближе к ночи он волочил к ванне гудящие, ободранные ноги, отмывая не только себя, но и Чжоу Яня. Шорты пришлось сменить — на те самые, серые, самые убивающие всякое желание.

Потом он понял, что не может уснуть — слишком проголодался. С усилием поднялся, открыл последнюю бутылку почти просроченного питательного раствора и осушил её одним глотком.

Последние дни он стал голодать всё быстрее. Если так пойдёт и дальше, запас гуманитарки скоро закончится.

С этой тревогой, пульсирующей в животе, с отголосками боли в теле и сладкой усталостью в голове, Сюй Сяочжэнь наконец уснул.